

Никишин С.В., к. филос. н.

Nikishin S.V., PhD

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

dastinlong@gmail.com

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ И
ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СУЩНОСТЬ ВЫЗОВА
CHINESE SPACE BILINGVVALNOY POLILINGVALNOY AND COMMUNICATION:
THE ESSENCE OF THE CALL**

Аннотация: китайский язык обладает рядом специфических черт, которые должны быть осмыслены в связи с построением процесса билингвального образования. Архаические языковые структуры во многом детерминируют китайскую языковую картину мира. Люди, освоившие китайский язык, в большей или меньшей степени подвергаются влиянию этой картины, которое отражается на системе ценностей билингва, его моральных представлениях и отношении к социальной иерархии. Это может быть использовано в процессе образования билингва, который в перспективе имеет возможность успешно пользоваться преимуществами как западного, так и восточного способов мышления.

Abstract: the Chinese language has a number of specific features that need to be understood in connection with the construction process of bilingual education. The archaic language structures largely dictate the Chinese language world. People who have mastered the Chinese language, to a greater or lesser extent, are affected by this, which is reflected in the value system of bilingual, his moral views and attitudes of the social hierarchy. This can be used in the process of bilingual education, which in the long term is to successfully take advantage of both Western and Eastern ways of thinking.

Ключевые слова: китайский язык, билингвальный, образование, коммуникация, языковое сознание, восточный, западный, мировоззрение, китайские иероглифы.

Keywords: Chinese, bilingual, education, communication, language awareness, eastern, western, world, Chinese characters.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток,

Не встретиться им никогда»

Джозеф Редьярд Киплинг

Развитие Китая и, соответственно, коммуникации на китайском языке представляется одним из наиболее существенных вызовов нашего времени. Китайское культурное пространство уже не является закрытой "вещью-в-себе". Происходит многомерный диалог и синтез китайской и западной, китайской и российской культур, причем как на основе все увеличивающегося количества смешанных семей, так и в рамках программ культурного сотрудничества, инициируемых на самом высоком уровне.

Однако существуют определенные затруднения, снижающие эффективность такого диалога. Они укоренены в специфических чертах китайского языка, зачастую, принципиально отличных средневропейских языков (германских, романо-германских, славянских, романских). Во-первых, китайский язык, преимущественно, моно- и дисиллабичен, то есть большинство его слов состоят из одного-двух слогов. Как результат количество букво- и звукосочетаний весьма ограничено. Вопрос лексического разнообразия решается достаточно оригинально и просто: тонально и контекстуально. Одно и то же звукосочетание, произнесенное различным тоном (монотонно, восходящим или нисходящим тоном) означает совершенно разные понятия. Тонов в китайском языке - четыре, пятый - нейтральный. Мало того, различные звукосочетания, произнесенные одним и тем же тоном, но в разных речевых контекстах, также могут иметь различные значения. Таким образом, чтобы хорошо говорить на китайском на достаточно разнообразную тематику, необходимо не только тонко слышать и проговаривать слова и словосочетания, но и быть более-менее сведущим в различных культурных контекстах.

Впрочем, стоит заметить, что далеко не все коренное население Китая обладает такого рода культурно-языковыми "добродетелями", поскольку жизненный горизонт, например, китайского крестьянина в горах или строительного рабочего, или даже офис-менеджера весьма узок. Кроме того, в китайском языке очень велика проблема акцентов, когда даже в разных частях одного и того же города-многомиллионника (например, мегаполиса Ухань в среднем течении Янцзы) можно встретить весьма отличающиеся друг от друга акценты, а в ряде провинций бытует поговорка: "Новая деревня - новый язык". В таких условиях мировоззрение большинства жителей Китая детерминировано той общей языковой картиной мира, которая формируется под воздействием различных структур языка, усваиваемых на подсознательном уровне с самого маленького возраста. Эти структуры определяют коллективные представления о времени и пространстве, о целях и ценностях деятельности, о морально-этических нормах и нравственном долге, о характере достижения поставленных задач. При этом на уровне обыденного сознания большинство представителей китайской цивилизации не подвергает рефлексии все эти представления, просто следуя им в своей повседневной жизни. Таким образом, язык мощнейшим образом влияет на ценностный мир китайской цивилизации. Язык этот древний, насыщенный архаичными структурами. Это дает основания специалистам называть языковую картину мира китайцев «архаичной» [Карапетянц 1996].

Она пришла в современный мир из глубокого прошлого, но оказалась включена в систему мирового рынка и глобальной информационной цивилизации. Процессы глобализации влияют на Китай, но, кажется, что его архаичная языковая картина мира не собирается растворяться в потоке ценностей, созданных рыночным обществом и демократией западного образца. Наоборот, она с большей или меньшей силой влияет на тех, кто осваивает китайский язык. В том случае, если это ребенок-билингв, живущий в китайскоязычной среде, такое влияние - наиболее мощное. Однако и в том случае, когда китайский изучается уже во взрослом возрасте для более эффективной коммуникации, человек должен хорошо осознать архаичные языковые структуры.

Таким образом, качественное усвоение китайского языка предполагает осознанную или бессознательную (в случае ребенка) интеграцию в «наивную» китайскую языковую картину мира и, как минимум, частичную ее интериоризацию. Если мы говорим о билингве, у которого один язык европейский, то процесс его вхождения в китайское языковое пространство - это встреча на уровне индивидуального сознания двух различных по своим цивилизационным основаниям моделей мира, образов мышления.

На фоне охарактеризованной выше ситуации наличие единой иероглифической письменности (так называемого "китайского упрощенного" за исключением Гонконга и Макао) призвано интегрировать языковое пространство. Иероглиф, берущий начало от пиктограмм, является одновременно и весьма архаичной, и весьма эффективной (с точки зрения обозначения современных реалий) языковой единицей. Китайский письменный язык гораздо менее уповает на логическую проработанность языковых структур, нежели языки романские, германские и славянские. Для него несколько важнее взаимосвязь смыслообразов, выраженных иероглифами. Это взаимосвязь не обязательно имеет характер причинно-следственной обусловленности. Тем более, что грамматическое выражение времени протекания события в китайском языке не столь важно, а будущее время, вообще может задаваться лишь контекстом, а не грамматической структурой, аналогичной по замыслу европейским future/Futurum. Зачастую для китайской письменности гораздо важнее логика соответствий, основанных на традиционных китайских культурных матрицах ("И цзин", "У син" и т.п.), каковые могут показаться иностранцу не очень-то логичными.

Для иностранца, изучающего китайский язык, зачастую становится языковой проблемой невозможность точной передачи смыслов при переводе с китайского и на китайский. И эта невозможность не устраняется простым увеличением словарного запаса, ибо, наряду с этим, необходима уже упомянутая выше интериоризация изучающим китайских языковых структур.

Исходя из сказанного выше, мы можем конкретизировать характер вызовов китайского языка, входящего в пространство би- и полилингвальной коммуникации:

1. Необходимость сочетания в процессе коммуникации, осуществляемом би- и полилингвом, тонального и контекстуального принципа словообразования (китайский язык) и принципа точного соответствия звукосочетания конкретному значению (германские, романские, славянские языки).

2. Необходимость сочетания в процессе письменной коммуникации на двух и более языках фонетической азбуки европейских и русского языков и китайской иероглифики (при этом надо учитывать, что, понимая иероглиф, мы далеко не всегда сможем сказать, как же он звучит).

3. Необходимость сочетания, в особенности в процессе адекватного перевода, причинно-следственной логики западных языков, зафиксированной в достаточно четких формальных грамматических структурах и коннотативной логики соответствий китайского языка, основанного на традиционных, зачастую имеющих весьма древнее происхождение социокультурных реалиях.

Если конкретика двух первых вызовов была рассмотрена выше, то третий, на наш взгляд, наиболее серьезный, требует определенного уточнения. В чем заключается коннотативность и архаичность китайских языковых структур, которые так сильно могут влиять на жизнедеятельность человека, интегрированного в китайское языковое пространство? Это проявляется в следующих сущностных элементах языковой модели мира:

1. Китайское языковое сознание весьма антропоцентрично, в особенности в своих экзистенциальных структурах. Так, например, русский глагол «жить» мы можем перевести тремя китайскими глаголами: “huo”, “zhu”, “guo”. Только первый из приведенной тройки мы можем применить по отношению к животным и растениям, два других - исключительная прерогатива представителей человеческого рода. В течение более двух тысяч лет китайская цивилизация использовала антропоцентричную систему моральных норм и правил построения социальной иерархии, основанной на конфуцианском учении. Такие нормы как гуманность (仁 “ren”), ритуал/этикет (禮 – “li”), верность/преданность (忠 – “zhong”), почтительность (孝 – “xiao”) ставили во главу угла отношения в системе «человек-человек». Китайский язык не испытал на себе влияния монотеистической теоцентрической картины мира, свойственной средневековой Европе. Антропоцентричность языкового сознания проявляется и в представлениях о времени. По мнению исследователей, в китайской языковой картине мира сосуществуют линейно-историческая [Успенский 1989: 31 -32] и традиционно-антропоцентрическая модели времени [Тань Аоушань 2004: 35].

Особенности последней заключаются в том, что «время ассоциируется с тропинкой в прошлое, протоптанной представителями человеческого рода... Наблюдатель или говорящий как бы повернут лицом в прошлое; делая шаг по этому пути, он удлиняет историю еще на одно поколение. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории» [Тань Аоушань 2004: 39].

В связи с этим, в китайском языке бытует устойчивое выражение «hou lang tui qian lang», означающее: «задняя волна толкает переднюю волну». В устойчивых фразеологизмах, в употреблении временных морфем антропоцентрическая модель времени на порядки преобладает над линейно-исторической, составляя тем самым разительный контраст по отношению к языковому сознанию европейских народов [Тань Аоушань 2004: 43].

Даже уважительное обращение «xiansheng», которое переводится как «господин», в дословном переводе выглядит как «преждерожденный». Китайская цивилизация обладает чрезвычайно устойчивой тенденцией к идеализации прошлого в различных аспектах. Так, древние правители Фуси, Яо и Шунь могли обеспечивать идеальное управление государством. Недавний вершитель судеб Поднебесной Мао Цзедун правил отнюдь не идеально и принес немало бед. Однако во многом, благодаря антропоцентричной модели времени, он не подвергся столь уничижительной критике, как, например Иосиф Сталин в России. Наоборот, портреты «Великого Кормчего» продаются и покупаются китайцами в

лавочках при даосских и буддийских храмах наряду с изображениями божеств (многие из которых тоже некогда были чем-то прославившимися людьми). Такое понимание ценности исторического прошлого, творимого предками, придает китайской культуре огромный запас прочности. Антропоцентричность китайской языковой картины мира не означает преобладания в ней ценностей индивидуализма и эгоцентризма. В китайском языке человек важен, в первую очередь как родовое существо, как член своей семьи, своей общности, представитель своего поколения, что осваивает время, творя из него очеловеченную историю.

2. Средствами китайского языка действительность классифицируется, категоризируется и фрагментируется гораздо мощнее, нежели это присуще европейским языкам. Это и двоичная классификационная система: по принципу различия «инь-ян», и троичная: по принципу разнесения явлений по классификаторам: «небо-земля-человек», и четверичная: по сторонам света, и пятеричная: по пяти первоэлементам «у син» (дословный перевод: «пяти дорогам»), и восьмеричная (по восьми триграммам багуа), и девятиричная (9 земель). В китайском языке почти любое явление может быть охарактеризовано по степени преобладания в нем «инь» или «ян», по соответствию одному из первоэлементов «у син» или одной из триграмм, согласно «И цзин» («Книги перемен»). Причем эти коннотации имеют вполне конкретный прагматический смысл, будучи используемы в китайской традиционной медицине, в различных видах искусства, в разрешении вопросов иерархического подчинения и т.д. Ни один из европейских языков сегодня не может предложить столь развитых систем подведения под ту или иную классифицирующую категорию. Наконец, в современном китайском языке сохраняется широкий ассортимент счетных слов — когда следует говорить не «один человек», но «одна штука человека» (一个人 - "yí ge rén"), не «одна собака», а «одна ветка собаки» (一条狗 - "yítiao gǒu"), не «одна книга, но «одно издание книги» (一本书 - "yíben shū"). Все явления разносятся по разным счетным классификаторам, исходя из своего размера и вида. Действительность в китайском языковом сознании, таким образом, фрагментируется, каждый класс явлений вписывается в свою категориальную «клетку», выбраться из которой чрезвычайно трудно. Это весьма отлично от европейской и российской культуры с постоянно проявляющимися в них тенденциями к универсализации и глобализации (религиозного, политического, идеологического и экономического характера).

Таким образом, в языковом сознании билингва с китайским и европейским (в том числе, русским) языками парадоксальным образом сочетаются следующие противоречивые элементы:

- коллективная антропоцентричность китайской цивилизации и демократический индивидуализм Запада;
- обращенность в очеловеченное прошлое (традиционная архаичная модель времени) и устремленность в еще не освоенное будущее (линейно-историческая модель);
- категоризация и фрагментация действительности на основе традиционных (пусть и осовремененных) классификационных ценностей и универсализация ценностного мира в процессе глобализации.

Перечисленные парадоксы далеко не единственные. Представляется, что учет трех указанных выше "вызовов" может стать важным методологическим принципом в построении обучения как "естественных", так и "искусственных" би- и полилингвов, где один из языков - китайский. Результатом успешного "ответа" на указанные вызовы становится формирование людей, которые могут естественным образом хорошо сочетать в своей жизнедеятельности как формальную логику, так и логику взаимодействия и коннотации образов, как умение быстро и с высокой практической эффективностью входить в языковой контекст (в том числе и весьма специализированный), так и умение подниматься над ним до осознания общечеловеческих универсалий.

Благодаря гармоничному сочетанию западного и восточного принципов построения языка, реализуемом в живом полиязыковом общении, достигается глубокое взаимное проникновение в мировоззрение народов, исторически живущих на разных концах Евразии. Билингв осуществляет это взаимопроникновение сначала у себя в сознании, в

рамках своей индивидуальной коммуникации, а потом имеет возможность стать своего рода "мостом" между культурами. Следовательно, «Запад» и «Восток» встречаются в билингвальном языковом сознании и переплетаются в подсознании билингва. Последний способен естественно и гармонично соединить в себе два могучих цивилизационных начала и более целостно взглянуть как на личные жизненные задачи, так и на глобальные проблемы человечества.

Список литературы:

1. Карапетьянц А.М. Формальное построение семантических полей нормативного китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы 8-й международной конф. – М., 1996.
2. Тань Аоушань. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. - М., 2004.
3. Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семантическая проблема // Труды по знаковым системам. Вып. 23. – Тарту, 1989. – С. 18 – 38.